

THE EASTERN ORTHODOX No 139: September 2021

ST JOHN'S RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

Military Road, Colchester, Essex CO1 2AN

www.facebook.com/stjohnsorthodoxcolchester

Whatsapp: Colchester Russian Church: 07547 789048

The Church of St John of Shanghai, built in 1855, is the largest Russian Orthodox church building in the British Isles, and is attended by 4,000 Orthodox of 24 nationalities, with over 150 baptisms per year. It is a parish of the East of England Orthodox Church Trust (Charity No. 1081707), part of the Russian Orthodox Church in Western Europe. It cares for grassroots Orthodox of all nationalities all over Eastern England, in Essex, Suffolk, Norfolk, Cambridgeshire and beyond, from Sussex to Yorkshire.

Rector: прот. Андрей Филлипс / Archpriest Andrew Phillips M.A. (Oxon)
(Russian/English): frandrew_anglorus@yahoo.co.uk / Please contact by SMS or on
Whatsapp on 07745 298266 or by e-mail

Assistant (Colchester): Fr Ioan Iana (Romanian): ovi.iana@yahoo.com / 07983 204844

Norwich: Fr Spasimir Ivanov (Bulgarian): 07746 272011

Little Abington (Cambs): Fr Leonid Tauleanu (Moldovan): 07935 401493

Coventry: Fr George Petrovsky (Russian): biplan997@gmail.com / 07459 281942

Deacons: Timothy Phillips, Sergiu Smantana

Readers: Jack Sardo, Daniel Zabacinschi, Maxim Brown, Serghei Novitchi, Christopher Dive, Alban Phillips

Choir and Sisterhood: Sabine Phillips

Caretaker and Gardener: Paul Hopkins, 69 Military Road

Gardener: Joy Morris

St Alban's Circle: After the Sunday Liturgy in English with Fr Andrew

Sunday School (Reopening from 12 September), Searchlight Magazine and St Juliana's

Sewing Club: Mary Kisliakova: mary0170@yahoo.com

St Joseph's Construction Club: Martina Colto: coltomarian@yahoo.com

Russian School: Sophia Bown: safi@mail.ru

Church Bookshop and Publications: Audrey Body: abody@st-albans.suffolk.sch.uk

Russian Orthodox Camp (Ages 9-16): Fr Stephen Platt: fr.stephen.platt@googlemail.com

Youtube: <http://www.youtube.com/watch?v=rE2T2sYTy8s>

Website: www.orthodoxengland.org.uk

Timetable of Services / Расписание Богослужений

Saturday 4 September

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение

Sunday 5 September

9.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия. Service for those going back to school or studies / Краткий молебен для учащихся

Saturday 11 September

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение

Sunday 12 September

9.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия.

Saturday 18 September

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение

Sunday 19 September

9.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия

Monday 20 September

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение

Tuesday 21 September: Nativity of the Most Holy Mother of God / Рождество Пресвятой Богородицы

9.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия

Saturday 25 September

5.30 pm: Vigil for the Exaltation of the Life-Giving Cross / Всенощное бдение праздника Воздвижения Животворящего Креста Господня

Sunday 26 September: Exaltation of the Life-Giving Cross / Воздвижение Животворящего Креста Господня

9.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия

Baptisms in August

1 August: Nikolai Rispkauskas (received from Roman Catholicism)

1 August: Maria Pana

7 August: George Mihalache

14 August: Sofia Phillips

15 August: Gabriel Stoian

20 August: Sebastian Raica

20 August: Aidan Dimitrache

21 August: Rodion Myatt

КТО С БОГОМ БЫЛ, ТОТ НЕ БОЯЛСЯ

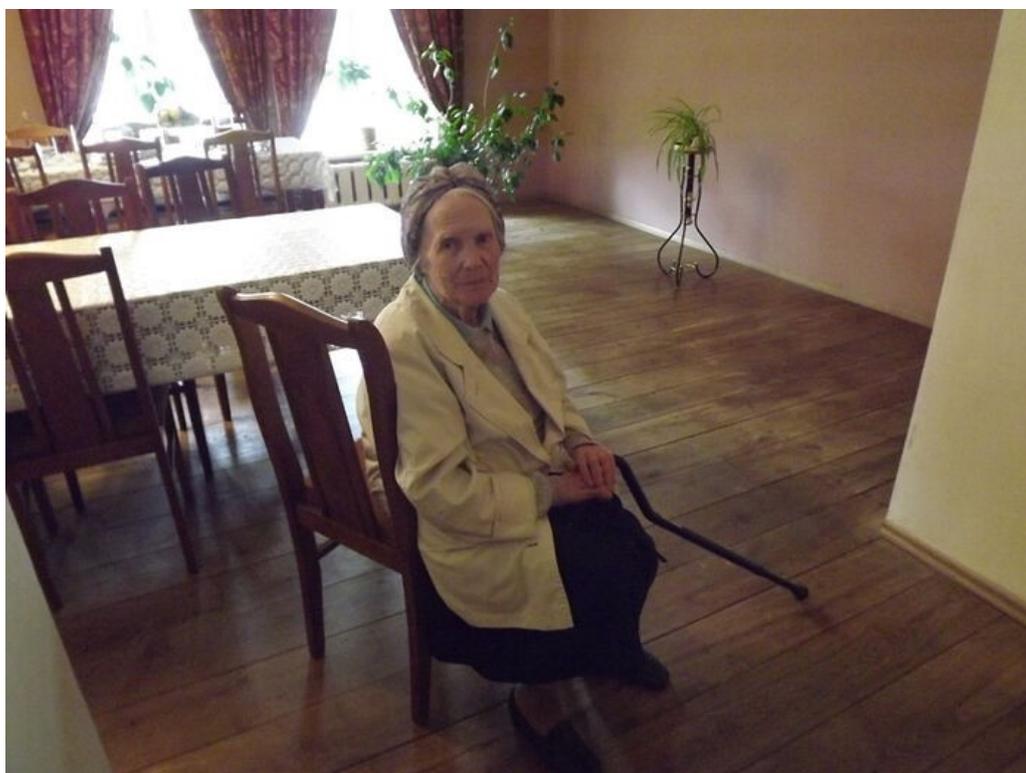
Беседа с Натальей Ивановной Таратуниной, прихожанкой времен гонений

[Николай Бульчук](#)

Мы встретились с Натальей Ивановной в Троице-Сергиевой лавре вечером, после всенощной, на отдание летней памяти преподобного Сергия. Наталья Ивановна вместе с сыном, Николаем Игоревичем, шли по лавре из Троицкого собора. Мы тоже вышли из собора, где по окончании богослужения каждому, кто прикладывался к раке с мощами Преподобного Сергия, гробовой монах вручал цветок. Нам всем вручили по красной розе: так преподобный заканчивал свое ежегодное летнее торжество.

Прихожане, отходя от мощей, были преисполнены чувства духовной радости и благодарности Богу и Его святому угоднику за то, что сподобились посетить эту святыню в праздник ее основателя.

Повстречались и разговорились с Натальей Ивановной мы совершенно случайно, а во время разговора поняли, что нам есть о чем поговорить и в будущем. Я пригласил свою собеседницу на радио, чтобы записать беседу.

Наталья Ивановна Таратунина

- Наталья Ивановна, как вам запомнились прошедшие времена, могли бы вы рассказать нашим читателям о себе? О вашей молодости, о том, какие храмы вы посещали, как жила наша Церковь в ваше время?

– Я была прихожанкой храма на Трубной улице, там была церковь, а неподалеку от нее я, еще будучи девчонкой, училась. Это Колокольников переулок. Потом эту церковь снесли, и нас перевели в другую школу, напротив рынка. Я забыла, как этот переулок называется. Там я закончила 7 классов, и тут объявили войну. И я вынуждена была уйти на работу.

Мне еще не было 17 лет, было 16 – только паспорт получила, – и я вышла на работу. Потому что молодежь стали посылать на трудовой фронт.

Мама (ныне покойная) растила меня одна, без папы. Папа умер рано, когда мне было 5 лет. Жили мы в семиметровой комнатке, в бывших монашеских банях Рождественского монастыря. Мамочка была очень религиозная. Ну, а я была обычной девчонкой, учащейся в школе. Церквей таких не было, какие мы могли бы посещать. Церковь в Колокольникове переулке сломали, там выстроили школу, в которой, как я уже сказала, я тоже училась.

Стали ходить мы в греческую церковь: между Трубной площадью и Петровскими воротами, по левой стороне. Она и сейчас там существует, эта греческая церковь. Там служили, как сейчас помню, два грека, очень хорошие, даже их иногда поминаю: протоиерей Константин и протоиерей Иоанн. Очень хорошие – высокие, красивые, дикция богатая у них была.

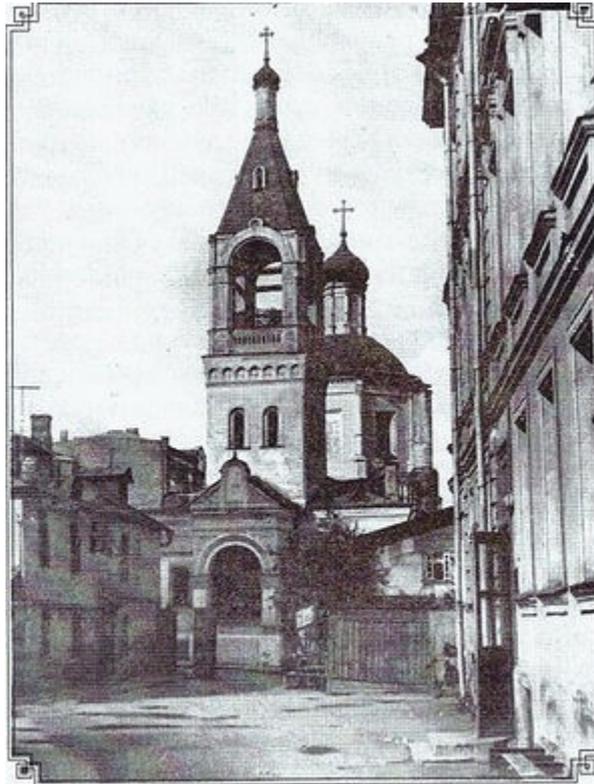
Я очень любила слушать священников, у которых хорошая дикция: просто приятно было их слушать. Вот туда мы ходили.

Мамочка нас еще водила за руку, потому что у нее была я, еще была моя двоюродная сестренка, были еще две племянницы и племянник. Племяннику было, наверное, лет 7–8. А тут как раз из-за ворот выезжала машина, и он чуть не попал под машину, вырвался... И с тех пор мы перестали туда ходить.

Мамочка дважды перенесла инфаркт, дважды у нее было разлитие желчи, она была очень болезненной, поэтому она перестала ходить в церковь. Поэтому мы и перестали в эту церковь ходить, не стали ее мучить, как говорится. А больше церквей не было здесь у нас, поблизости.

А до этого мы охотно ходили в церковь, и причащались, так что на нас никакие гонения не отражались, слава Богу!

Я даже удивлялась, когда, например, слышала такие слова: «Вот – ребенок некрещеный». Как это некрещеный? Пошли, договорились с батюшкой, батюшка его окрестил – только и всего! Не в дневное время, так вечером. У нас с этим никаких трудностей, слава Богу, не было.

Храм Илии Пророка в Обыденском переулке. 1940-е годы

pastvu.com/78485 uploaded by 1qa2ws

А потом уже вот как раз так получилось, что здесь церкви позакрывали все. Остался на Кропоткинской площади, напротив храма Христа Спасителя, через переулок, очень хороший храм Св. Илии Обыденного. Туда мы и стали ходить.

Я помню, что туда меня мамочка привела, когда мне исполнилось 10 лет. Привела еще за руку – тогда еще ведь не такие дети были, как сейчас – носятся, как атаманы... А мы все за руку ходили.

- Наталья Ивановна, а кто был настоятелем в храме Илии Обыденного в то время?

– Протоиерей отец Александр Толгский. Мы как раз его хорошо запомнили. Он раньше служил в Богородске. Их было два брата – протоиерей Николай Толгский и протоиерей Александр Толгский.

Вот, протоиерей Николай служил в этой церкви в Колокольникове переулке, он тоже был настоятелем. Но его вскоре забрали, сослали, и больше мы о нем ничего не знали.

Потом, когда мы впоследствии приехали в Бутово, нам сказали, что он там расстрелян. Но это уже батюшка наш сказал из храма Илии Обыденного. Там много батюшек было расстреляно.

Отец Николай был молодой, красивый. А отец Александр был старшим из братьев, из Богородска его прислали сюда.

И как переступили мы порог храма Илии Обыденного, так и ходили сюда до того дня, как поселились рядом с храмом Трифона мученика. А так – только туда ходили: и на Пасху, и на Троицу, и в пост, и на Канон преподобного Андрея Критского, – только туда мы ездили...

Сначала туда ходил 17-й трамвай от Трубной площади до Кропоткинской, а потом стал троллейбус ходить. Это нам было еще лучше, нам просто повезло.

Мамочка стала оставаться дома, потому что была уже страшно больная. Но мы уже стали одни ездить.

Вот, у меня сестричка была старшая, на 5 лет старше меня, она уже умерла. А я одна осталась. И еще две сестры у меня тоже умерли, я пока осталась одна.

Этот храм наполняла в основном публика интеллигентная. Во-первых, он располагался в центре, рядом Арбат. У Никитских ворот, кстати, храма ведь не было. Где Пушкин венчался – ведь этот храм тоже был закрыт, понимаете? Поэтому вся интеллигентная публика направлялась только туда – к Илии Обыденному. В храме всегда было много народу.

Вся интеллигентная публика направлялась только туда - к Илии Обыденному

Отец Александр Толгский был очень хорошим священником. Это был протоиерей, с двумя крестами, вдовец. Он рано похоронил супругу Екатерину. Она у него похоронена на Немецком кладбище. И он всю жизнь почти прожил вдовцом. У него была помощница, которая к нему иногда приходила, помогала ему по хозяйству и что-нибудь готовила из еды.

Скончался он очень стареньким: по-моему, он умер, когда ему было 83 года. Я уже успела мамочку похоронить – ее гроб стоял в этом храме. И отец Александр, помню, приехал на отпевание ее с температурой 39. Тогда свирепствовала в Москве оспа у взрослых. А мы приехали получить благословение поставить гроб с телом мамы в храм (она немножко не дожила до 78 лет).

Помню, проснешься. Мамочка кричит: «Натуля, вставайте, идите в церковь!»

Я же работала с 16 лет, забирали молодых на трудовой фронт, а двоюродная сестра моя работала на трикотажной фабрике. За Эрмитажем находилась тогда эта фабрика, она работала там секретарем. И вот, она приходит как-то, обращается к мамочке: «Тетя Лена, давайте, мы девчонок (а у меня еще была двоюродная сестра Ляля и племянница Тося) устроим на фабрику – сейчас туда как раз принимают учеников». Ну, мамочка поговорила-поговорила, с другой сестрой еще это обсудили. И она согласилась: «Давай! А то на трудовой фронт их будут гонять, а так они станут при деле...».

А на фабрике ночные смены по 10 часов были, там я работала. Мотыльный цех был, фанговый цех. Мотали шерстяную пряжу и простую. Простая пряжа шла на обмотки военным, а шерстяная – на свитера высшим военным чинам. А фанговый цех – это вязали обмотки, вязали пряжу.

Я там сдружилась с Танечкой, была у меня подружка, она на год старше меня и уже работала на фабрике. Она так обрадовалась, что меня встретила, вот мы с ней и подружились.

Как раз в это время митрополит Николай (Ярушевич) служил неподалеку: у него кафедра была на Преображенской площади. И всегда, когда я покидала его храм, я спрашивала: «А когда митрополит будет опять служить здесь?» И мне его иподиаконы говорили... Ведь ни телефонов, никакой другой связи тогда не было. Я вообще была удивлена и поражена, что такой прекрасный храм Преображенский снесли! Просто была поражена! Он же стоял так, что никому не мешал. Народу в нем была тьма всегда. Туда без слез приходиться было нельзя. Духовенства было много, но кто там служил, сейчас я уже не помню.

Проповеди митрополита Николая были богатейшие, дикция у него тоже была превосходная. Вот, что меня особенно к нему притянуло, это его дикция. Служба у него была богатая: духовная, торжественная. Духовенства было много, проповеди были чудесные. Я сейчас даже не могу выразить его духовность и восторженность во время службы. Он даже вздрагивал от радости, когда особенно громко делал возгласы. Я это особенно помню...

Я всегда старалась встать возле кафедры, поближе к владыке, и мальчики иподиаконы меня всегда пропускали. Я была такая шустрая девчонка.

Конечно же, никогда в храме вообще ни у кого не было никакой охраны: ни у Патриарха Алексия (Симанского), ни у Патриарха Сергия (Страгородского), ни у кого никакой охраны я никогда не видела. Патриарх Алексей, когда проходил мимо прихожан, всегда успевал руку подать для благословения. Кому на голову клал руку, кому просто руку давал, а потом шел мимо. Так что это я точно помню – никакой охраны не было. Тогда, наверное, камнями бы верующие закидали эту охрану, если бы она была, даю слово... не было этого ничего в помине!

И шли в храм, кто хотел. Хочешь – проходи в храме, куда хочешь. Не было такого, чтобы тебя куда-то не пропускали, задерживали. Правда, милиция была, вокруг порядок соблюдала, но никого не задерживала абсолютно: идете – идите, вот и все...

И вот, митрополит Николай (Ярушевич) многих просто притягивал, проповеди его были очень толковые.

Патриарх Пимен (Извеков)

А Патриарх Алексей (Симанский) – это вообще уникальный был человек! Как вам сказать, это был человек с голубой кровью, так раньше про него говорили. Таким он и был, конечно. Когда он служил у нас в храме Илии Обыденного на Кропоткинской (а это наш был храм, мы приезжали туда утром и оставались на весь день), помню, он стоял на кафедре...

Телефонов же не было, мы раньше так и договаривались: «Встретимся в церкви!» Когда к нам перевели отца Александра Толгского, вскоре после этого к нам в храм привезли чудотворную икону «Нечаянная Радость». Сколько сейчас на ней драгоценностей! Это вообще икона была необыкновенная, просто необыкновенная! Долго рассказывать, очень долго можно рассказывать...

А отец Александр наш тоже очень хорошие проповеди говорил. Это был необыкновенный батюшка, вот в каком отношении. Он был очень строгим: посмотреть на него – прямо содрогаетесь. А на самом деле это был отец – настоящий духовный отец. Если тебе плохо – он приласкает, уговорит. Если хорошо – скажет: «Помолись, встань на колени и поблагодари Бога, Матерь Божию! Вот икона “Нечаянная Радость” – принеси ей благодарность!» Ничего лишнего больше... Но самое основное было то,

что все его любили. И он долго прослужил в этом храме. Вот как перевели его с Богородска, так он и служил там. Умер, кажется, 83 лет. Отпевать приезжал Патриарх Алексей (Симанский).

И вот, помню, когда Святейший стоял на кафедре, храм был старенький – вы сами знаете, какие тогда были ремонты храмов, ведь только-только сводили едва концы с концами. Никаких машин или еще какой роскоши тогда духовенство не знало, все пешочком ходили, на метро ездили. Мы сами провожали отца Александра Толгского. Он жил на улице Земляной вал, мы его провожали. Мы были девчонками, провожали его пешочком. Еще иногда прислужники собирались – молодые люди: «Давайте машину организуем, чтобы отца Александра подкинуть...». Машинка приезжала, забирала его и привозила домой. А мы радовались, потому что удавалось его довести, сами понимаете...

Патриарх Алексей I (Симанский)

Конечно, в храме тогда бывали всякие неполадки, много чего не успевали – обратиться, например, еще чего-нибудь. И вот, помню Святейшего: стоит на кафедре, головы не поворачивает ни вправо, ни влево. Только глазами – сюда смотрит, потом сюда, а уж потом сделает иногда замечание. Старосте сделает замечание, потом нашему отцу Александру сделает замечание. Но отец Александр, конечно, не заслуживал никаких замечаний, абсолютно никаких!..

Не было в храме ни чаепитий, ничего абсолютно... Тогда все бедненькие были

Помню, не было в храме ни чаепитий, ничего абсолютно... Это сейчас иногда в храме чай устраивают или еще чего – тогда все бедненькие были...

- Наталья Ивановна, хотелось бы услышать несколько слов еще о Святейшем Патриархе Алексии (Симанском).

– Голос у него, помню, был тихий, немного невнятный. Он красиво служил, благородно служил, но такая дикция у него была немного глухая. Мы все слышали – но не сравнить, конечно, с голосом, например, Патриарха Пимена (Извекова) или митрополита Николая (Ярушевича). Этих уже в дверях было слышно: как возглас дадут, всем было все понятно, значит, они служат.

А Патриарх Пимен (Извеков) – это вообще наш «папочка» был родной. Это уже было в нашу бытность, совсем недавно. Тоже довольно рано умер, можно было еще ему пожить...

Но смотрите, как интересно: 20 лет почти прослужил Патриарх Пимен, и почти 20 лет прослужил Патриарх Алексий (Ридигер). Надо же так, такое совпадение!

А я их всех знала, потому что я ездила по храмам. Но, конечно, не по всем: была в Преображенском, в Елоховском соборе и у нас, в храме Илии Обыденного. Вот и все мои храмы...

Полные паперти народу были, за папертью тоже толпа. Постепенно, во время миропомазания, очередь двигалась: одни выходили, другие входили. «Дайте правую сторону – людям выйти, а другим войти!» Поэтому во время миропомазания, когда к иконе прикладывались, час-полтора это продолжалось. Пока войдем, пока продвинемся...

А храм Илии Обыденного небольшой. Но публика там была очень интеллигентная, например, врачи были: гомеопаты Мухин, Постников... Громадный, красивый человек... Всегда поздороваемся с Василием Васильевичем Мухиным и с Сергеем Алексеевичем Постниковым. Обычные светские люди, но каждое воскресенье они были в храме. Каждое воскресенье, без исключения.

Вот, Сергей Алексеевич мамочку лечил – сердце лечил, все остальное. Ну, вы знаете, я уже не тот человек, сейчас уже ни на что не обращаю внимания. Но только скажу, что вот переживаю-переживаю, болею-болею, говорю сыну: «Отведи меня в храм, я уже хочу побыть в храме!» Только вот сегодня сидела в храме... Причащусь – мне уже легче.

Вот, в храме Трифона-мученика сейчас много разных людей появляется, кто-то здоровается. А я и не знаю теперь, кто со мной поздоровался. Тьма детей сейчас приходит в храм, просто тьма – море детей.

Когда я замуж вышла – муж был фронтовиком, прошел два фронта, – мы венчались. Когда он мне сделал предложение, я поставила условие: «Только, как хочешь, но я буду венчаться, а то иначе разойдемся!»

Никаких книжек духовных тогда не было, а акафисты нам монахини давали – у нас же монахини были в Рождественском монастыре, мамочка как-то с ними общалась очень много.

Я работала, муж работал, телефонов у нас не было. Монахини называли мою мамочку «кормилица наша» – она им то конфеточку принесет, то блинчика своего испечет, принесет. И когда мамочка умерла, то все так и говорили: «Ох, кормилица наша ушла на тот свет!»

А как мамочку хоронили монахини! Вы не представляете, какая тьма народу была! Вся комнатка семиметровая полна, даже на газовую плиту вставал народ, чтобы попрощаться с мамочкой. Они все работали на гражданских работах уже, но все равно, по-своему, они же были монахинями. И приходили те, кто где мог успеть. Потому что многие работали уборщицами, сестрами милосердия... Может быть, некоторых и специально к нам посылали, кто их знает...

- Не могли бы вы рассказать о том, как в храме проповедовали раньше. Чем отличались проповеди тех лет от сегодняшних, которые мы сейчас слышим после богослужения?

– Главное, наверное, что говорили очень кратко. Не то, что сейчас (как, например, у нас отец Федор говорит или вот как сегодня митрополит Иов сказал). Конечно же, таких проповедей не было. Если бы кто-то что-то подобное начал говорить, сразу же «за хвост» взяли, и все! В основном говорили на тему Евангелия или праздника, вот и все. Сейчас, слава Богу, у нас очень много стало священников, я очень благодарна Богу за это. Сейчас у них все-таки совсем все по-другому: они сейчас могут и нравоучение дать какое-то, да и мы к ним подходим, советуемся, берем благословение... А тогда ведь все-таки боялись... И потом – частных Исповедей не было. А что мог батюшка сказать на общей Исповеди, что он мог сказать? Что там говорить... Я же проходила эти общие Исповеди. Вот как раз в один из первых раз мы и попали вместе с Патриархом Пименом, там-то мы и познакомились. Это было в его бытность наместником лавры. Это вообще-то чудо было, а не человек! Такой он был теплый, душевный. Он, бедненький, без слез говорить ничего не мог. Бывало, только начнет говорить, как слезы навертываются у него на глазах.

Частных Исповедей не было. А что мог батюшка сказать на общей Исповеди

Патриарх Пимен был очень болезненным – у него был перебит позвоночник, ведь он на фронте был, он в корсете ходил. Больной был человек, вот отсюда у него грузность такая была. Он и сам по себе был большой мужчина, но и был он очень грузный. Ему самому от этого было тяжело, его провожали часто. Мой муж тоже его как-то провожал, муж сестры его тоже провожал, чтобы полегче ему было идти.

Когда он был еще митрополитом, то часто служил у нас в храме Илии Обыденного, он очень любил икону «Нечаянная Радость», каждую пятницу читал там акафисты.

- Вспоминаете то время, когда скончался Святейший Патриарх Пимен?

– Когда скончался Патриарх Пимен, я очень плакала, я просто рыдала. Мы стояли в хорах, наверху, я рыдала.

И когда уже была его последняя служба, его вывели, он не мог идти, ноги у него уже отказывали. Его вывезли на кресле. Когда я это увидела, я так разрыдалась. И сестра моя, и еще две женщины – мы просто рыдали...

- Вспоминаете еще какие-то черты Святейшего Пимена?

– Как же он красиво говорил! Как же он красиво говорил – что он, что митрополит Николай (Ярушевич). Их обоих можно было слушать день и ночь, день и ночь! Стой, слушай – и никогда не устанешь! Без всякой какой-то цели, без ничего – мы любили просто послушать их. Ну, естественно, при этом как могли, так и молились. Как умели... Но торжество богослужения необыкновенное было, народу тьма...

- А тот народ, который приходил в храм, испытывал чувство страха, или же они безбоязненно исповедывали свою веру?

– В церкви всегда было много народу, но кто мало понимал, те, может быть, и побаивались. А сейчас много литературы, читают много, проповеди уже такие открытые есть. Потом, понимаете, какое дело: кто с Богом был, тот никогда не боялся. Вот, у нас, например, в голове даже этого не было, что нас могут остановить или что-то еще. Мы просто шли – и все. У меня дома икона преподобного Серафима в рост – это алтарная дверь была. Мамочка из помойки ее вытащила. Мы приехали из Киева, два года пожили здесь, и папа умер. И поэтому мы и остались, а иначе обратно уехали бы в Киев, потому что там мамочка и папа сдали квартиру в аренду на 10 лет. Мы должны были только 10 лет здесь прожить, и уехали бы в Киев. Но папа умер. Папа умер от аппендицита, был он здоровенный, но был он очень стеснительным. Аппендицит – простая операция, и ночью уже мамочке дали знать, что Иван Степанович умер. Конечно, море слез... Мне было 5 лет, сестре было 10 лет. Представьте себе – два года только, как приехал... Конечно, что тут говорить... У мамочки начались приступы сердечные, падать стала.

А отпевал папу отец Александр Зверев. Наверное, его мало кто помнит. Вот, напротив Рождественского монастыря сейчас храм Св. Николая в Звонарях, Пюхтицкое подворье. А раньше там был еще храм Николы в Пушкарях. Не могу сказать, что я помню хорошо тот храм, я совсем еще девчонкой была. В школу пошла, когда мне только 7 лет исполнилось. А в храм Николы в Пушкарях я еще с мамочкой ходила. А Николу в Звонарях я уже, конечно, припоминаю.

Отец Александр Зверев был тоже видным протоиереем, дочь и сын у него были. Моя старшая сестричка Нина дружила с Ираидой, дочкой отца Александра. Мамочка была без папиной помощи, сестричка у меня была слабенькая очень, все время болела. А в семиметровой комнатке, которая у нас была, что можно было устроить? Сундучок был, кровать одна, столик маленький. Все же в Киеве осталось.

- Как вам кажется, Наталья Ивановна, что нас ждет сегодня, в такое непростое время?

– Что Бог даст! Я так всем говорю: что Бог даст, то и будет. Мы разве знали, что война будет? Мы же не знали, она же действительно «упала» на людей, особенно на Украину,

на Киев. В 4 часа утра началась бомбежка. Песня такая была: «Киев бомбили, нам объявили, что началась война...». Кто знал? Люди легли накануне спать спокойно. То же самое и сейчас: откуда мы знаем, что нас ждет? Ничего не знаем! Так что, что Бог даст, то и будет. И мамочка мне всегда так говорила: «Наточка, ни о чем не задумывайся, деточка – что Бог даст! Встаешь – скажи: “Слава Богу, встали!” – Легла – “Дай Бог спокойной ночи!”» Вот и все...

Я так всем говорю: что Бог даст, то и будет

Недавно мы были в Дивеевском монастыре, я уж говорю моему сынульке дорогому: «Колосечка, если я еще только доживу до лета, ты меня только в Дивеево отвези! Я хочу еще раз пройти по Канавке Божией Матери, потому что мне кажется, что я недостойно прошла, понимаете? Я недостойно прошла, я хочу еще раз! Потому что я плохо молилась... Мне там монахини сказали, что нужно прочитать 150 раз «Богородицу», а я прочитала 180. Чувствую, что я уже через силу читала.

- А могли бы вы отметить что-то особенное, что вы ощутили в Дивеево?

– Это чудо вообще! Вообще чудо: оттуда уезжать не хочется. Ни кушать не хотела, не пить... Когда уезжала с Валаама, то плакала: «Как я не хочу отсюда уезжать! Как я не хочу отсюда уезжать! Я не хочу ни пить, ни есть, только бы здесь пожить!» Именно в этих святых местах – вот чего не хватает, понимаете?

- Как современным людям дать понятие о святости, о святине, о ее благотворном воздействии на человека?

– Я тоже об этом думаю все время, а меня порой останавливают: «Не приставай! Не лезь! Ничего не дашь, если у самих нет!» А я говорю сыну: «Ну, надо, Коля, мы же православные, надо вести их!»

Всем желаю духовности, мира, покоя. Если будет духовность, то будут и мир, и покой, и тишина

- В завершение нашей беседы мне хотелось бы услышать от вас напутствие, пожелание нашим читателям.

– Всем желаю духовности, мира, покоя. Любви друг к другу, понимания друг другу. Что еще можно пожелать? И именно духовности. Если будет духовность, то будут и мир, и покой, и тишина. И смирение, конечно же, должно быть. И, конечно, посещать храмы нужно. Потому что часто хотя и говорят, что «мы верующие» – это правильно, мы все верующие, – но надо ходить в храм, слушать проповеди. Слушать пение. Пение! Даже батюшки говорят: «Вы послушайте пение церковное, пение послушайте! Что вы знаете? Вы ничего не знаете, потому что вы пения не слышите...».

С [Натальей Ивановной Таратуниной](#)
беседовал [Николай Бульчук](#)
4 августа 2021 г.

